

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

ИЗ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА

*ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

1 9 3 1

ЛЕНИНГРАД

К ИСТОРИИ ПУШКИНСКОЙ МАСОНСКОЙ ЛОЖИ ¹

«Я был масон кишиневской ложи, т. е. той, за которую в России уничтожили все ложи» — писал А. С. Пушкин В. А. Жуковскому в 1826 г. Весьма долгое время все наши сведения об этой ложе ограничивались этой фразой Пушкина. Не так давно — год или полтора тому назад — исследовательница русского масонства Т. О. Соколовская на страницах «Русской Старины» ставила вопрос об источниках и материалах, из которых можно было бы почерпнуть сведения об этой ложе. А материалы хранились в Военно-ученом архиве, и только часть их, менее важная, была опубликована в начале 80-х годов в той же «Русской Старине». Наконец, Н. К. Кульман использовал их в 1907 г. в своей статье «К истории масонства в России. Кишиневская ложа». ² Пользуясь в архиве теми же материалами, что были под рукой Н. К. Кульмана, и прибавив к ним кое-что из списанных Н. Ф. Дубровиным документов, рассказал историю этой ложи и В. И. Семевский на страницах «Минувших Годов» (1908 г. март, стр. 162—170). ³

Нельзя сказать, чтобы материалы и рассуждения, представленные Кульманом и Семевским, хоть сколько-нибудь разъяснили мотивы остро подозрительного отношения правительства к деятельности пушкинской ложи, получившей название «Овидий», и к роли самого Пушкина. В первом документе, которым открылось наступление правительства на кишиневских масонов, — в письме князя Волконского, начальника главного штаба, к генералу Инзову, читаем: «до сведения е. и. в. дошло, что в Кишиневе открыта масонская ложа князем Суццо, при котором Пушкин, состоящий при вашем превосходительстве». Волконский предлагает Инзову «касательно г-на Пушкина также донести е. и. в. в чем состояли и состоят его занятия со времени определения его к вам, как он вел себя и почему

¹ Эта статья впервые напечатана в «Минувших Годах» 1908 г. № 5—6, стр. 517—520.

² В «Журн. Мин. Нар. Просв.» и отд. СПб. 1907 г., стр. 37.

³ Материалами Военно-учебного архива не исчерпываются архивные источники об этой ложе. Кое-что, дополняющее данные дела В.-у. архива попало нам и в других архивах.

не обратили вы внимания на занятия его по масонским ложам». И сам Пушкин придавал особенное, нами не расшифрованное пока значение кишиневской ложе.

Не пересказывая истории этой ложи и предполагая ее известной, остановимся на одном обстоятельстве, которое повергает в недоумение исследователей и читателей. Основатель ложи генерал П. С. Пушкин дал совершенно противоречащие показания об этой ложе. Инзов с его слов донес, что в Кишиневе ложа и не открывалась, а Киселев тоже с его слов донес, что Пушкин «изъявил готовность свою отказаться от всякого участия в учреждении или существовании сих лож и обещал без потери времени сие исполнить». Это противоречие в невыгодном свете рисует личность П. С. Пушкина — и не только в невыгодном, а и в несоответствующем тому представлению, которое есть у нас. Помянутые исследователи не останавливались на разъяснении этого противоречия, а прямо, на основании архивной переписки ложи Астреи с братьями кишиневской ложи, изложили историю этой ложи, сообщили даты возникновения, учреждения и т. д.

Следует подчеркнуть запись Пушкина в дневнике: «4 мая [1821 года] я был принят в масоны».¹

Но возникает вопрос, была ли открыта ложа к Овидию № 25, и не прав ли был Инзов, утверждая, что в Кишиневе ложа не существует? Этот вопрос кажется парадоксальным после заявления Пушкина, после публикаций и статей Кульмана и Семевского. Но тут нужно войти в подробности масонской техники, оставшейся неизвестной исследователям.

Дело в том, что новая ложа фактически и юридически правильно действующей считалась в масонстве только после ее принятия, после ее инсталляции. Принятие же было формальным обрядом, который должен был совершаться в присутствии делегатов, командированных на этот случай главной ложей из ее членов. В виду крайней невозможности разрешалось поручить открытие кому-либо на месте из бывших уже членами другой ложи, но к этому масоны прибегали крайне неохотно, в особенности потому, что обряд инсталляции был очень ценен ими, ибо он символизировал действительность их работ.

Была ли принята или инсталлирована кишиневская ложа? Принимая во внимание объяснения Пушкина и Инзова, а также документ, о котором мы сейчас скажем, мы должны на этот вопрос ответить отрицательно. Действительно, вся процедура, предшествовавшая принятию, была выполнена: позволение открыть ложу дано, было принято постановление о посылке

¹ См. «Из дневника Пушкина». Неизданный отрывок». В «Ниве» 1912, г. № 5, стр. 93; Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина. «Атеней» 1922 г., стр. 225.

патента и самое наименование ложи; генеральный секретарь Астрей даже почел своим долгом уведомлять о заседаниях Астрей; наконец — с некоторым нарушением устава — ложа № 25 была даже занесена в списки Астрей. Но инсталляции совершенно не было. Исследователи, изучавшие архивный материал, отнеслись к нему без должного внимания и не прочли до конца всех бумаг этого архивного дела или просто просмотрели самый интересный документ. Это тем удивительнее для Кульмана, в приложениях к своей статье перепечатавшего ряд документов и среди них сообщение генерального секретаря Астрей от 20 сентября 1821 г.¹ Ни Кульман, ни Семевский ни одним словом не обнаруживают знакомства с находящимся в том же деле официальным письмом того же секретаря Вевеля от 13 октября 1821 года.²

А из всех его писем, хранящихся при этом деле, это — самое интересное и важное как вообще для истории масонства, так и специально для истории кишиневской ложи. При этом письме секретарем был отправлен ряд документов, необходимых для возникающей ложи, и целая «литература», которой должна была она руководствоваться. В самом письме секретарь обращал внимание новых братьев на особенно важные пункты «Уложения ложи Астрей», подчеркивал необходимую формальную обрядность и, наконец, давал счет тем денежным уплатам, которые должна была сделать новая ложа. Уже из этого краткого перечисления можно видеть, как любопытно это письмо, сохраняющее для нас столько живых данных для бытовой истории масонства. Но кроме всех этих подробностей, мы читаем следующее:

«Принимая во внимание, что работы ложи, только что учрежденной, до ее инсталляции, почитаются, согласно § 154 Уложения, как временные и остаются таковыми до тех пор, пока инсталляции не будет иметь места. Великая ложа Астрея назначила бы уже в собрании своем 17 сентября брата для выполнения обряда инсталляции вашей ложи, если бы звала, на ком остановился ее выбор. По уполномочию Великого мастера я приглашаю вас указать несколько достойных братьев, — все равно будут ли они членами вашей ложи или другой регу-

---

¹ Кульману нужно было бы принять во внимание скудость наших сведений о масонстве и не скупиться на перепечатку всех находящихся в деле и немногочисленных писем из ложи Астрей в Кишиневе. Кстати отметим, что документы изданы Кульманом в общем исправно, но ошибки и пропуски все-таки есть. Так, напр., на письме Инзова от 15 января 1822 года положена резолюция, в тексте издателем не приведенная.

² Кульман напечатал только одно письмо великого секретаря — первое от 20 сентября, № 1116, — а в деле, кроме этого, еще четыре: три — от 10 октября за №№ 1143, 1144, 1145, и четвертое — от 13 октября за № 1156. Письмо за № 1143 Кульман цитирует, остальные же остались, очевидно, даже не прочитанными ни Кульманом, ни Семевским.

лярной, признаваемой вами за таковую — для выполнения этой почетной обязанности, с тем чтобы Великая ложа могла бы без проводочки оформить назначение вашего инсталлятора, пошлав ему полномочия и необходимые инструкции. По §§ 151 и 153 достаточно одного брата, для того чтобы представлять Великую ложу на этой церемонии.

«Великий мастер предлагает вам кандидатами в представители вашей ложи уважаемых братьев Августина Прево де Люмiana, Шарля Риттера, Романа Муэна и Жоржа Годениуса. Из них вы могли бы сделать выбор. Все они — достопочтенные братья, заслуживающие вашего доверия»...¹

Параграф 154 Уложения, на который ссылается секретарь, гласит следующее: «Прежде нежели которая Ложа будет таким образом принята, производимые ею работы почитаются временными и остаются недействительными, если принятие не совершится, потому что каждая ложа уже после принятия своего вносится в список Великой Астреи».

Таким образом 13 октября 1821 года у ложи Овидия не было еще ни представителя в совете Великой ложи, ни инсталлятора.

На это письмо от 13 октября кишиневские братья должны были ответить указанием того брата или братьев, которые должны были инсталлировать ложу; на их ответ Великая ложа должна была прислать или самих лиц из Петербурга или же полномочия и инструкции бывшим на месте. Нужно сообразить, сколько времени потребовали бы эти сношения, а в конце ноября Пушина уже потянули к допросам и Инзов и Киселев. При отсутствии дальнейшей переписки и, приняв в соображение вышеуказанное, можно с достоверностью заключить, что так инсталляции и не произошло. Следовательно, Инзов имел право донести, а Пушин утверждать, что масонской ложи в Кишиневе открыто не было. Записка его к Киселеву, в которой он объясняется по поводу своего масонства, нам неизвестна, но уже из того изложения, которое дает Киселев в своем доне-

---

¹ «Les travaux d'une Loge nouvellement fondée faits avant son installation ne pouvant être regardés d'après le № 154 du Côté que comme provisoirs et restant seuls lorsque l'installation n'a pas lieu, la Grande Astrée aurait déjà dans sa séance du 17 septembre nommé un frère pour effectuer l'installation de Votre atelier, si elle aurait su sur qui fixer son choix; je suis par conséquent autorisé le Très Ill. Gr. Maître de Vous inviter à nous indiquer quelques frères distingués soit de Votre atelier, soit de quelque autre régulière reconnue par Vous Comme telle, pour cette honorable charge afin que la Grande puisse sans délai procéder à la nomination de Votre installateur en lui envoyant les pleinpouvoirs et les instructions nécessaires. D'après les §§ 151 et 153 un seul frère pourra suffire pour représenter la Grande Astrée pour cet acte.

«Le Très Ill. Gr. Maître Vous fait proposer comme Candidats pour Représentant de votre atelier les T.T. R.R. ffs Augustin Prévôt de Lumian, Charles Ritter, Romain Mouin et George Hodenius parmi lesquels Vous pourrez choisir; ce sont tous des frères très respectables qui sont bien dignes de Votre confiance...»

сении П. Х. Витгенштейну, можно видеть, что Пущин изъявлял готовность свою отказаться от всякого участия в учреждении или существовании сих лож. У Пущина с Киселевым речь, очевидно, шла о приготовлениях к открытию, а не об открытой уже ложе.

Конечно, то или иное решение этого вопроса имеет больше цены для историка масонства, чем для историка общности. Для последнего то же значение сохраняют и бывшие предварительные совещания и собрания кишиневских братьев, хотя бы, по Уложению Великой ложи Астреи, они и почитались временными. Но дело в том, что пока, кроме выяснения фактических дат и фактических событий истории кишиневской ложи (а для этого то или иное решение верно приобретает известную цену), исследователи ничем другим не занимаются. Догадки о том, что именно в этой ложе казалось столь антиправительственным Пушкину, остаются только догадками: разгадку же свою они найдут в изучении чрезвычайно пестрого состава ложи; для этого же изучения материалы найдутся и в наших архивах, и в источниках западных.

В письме, из которого мы извлекли сведения об инсталляции, Великий секретарь, исполняя поручение Великого мастера, предлагает довести до сведения местного начальства об открытии ложи. «Хотя — пишет Вевель — Великая ложа Астрея учреждена и работает с позволения правительства и имеет дело исключительно с министром внутренних дел, вы должны употребить все старания, чтобы расположить ваше начальство в пользу вашей ложи, сообщив, если нужно, начальству вашей области патент на учреждение ложи и Уложение». 13 октября 1821 года предупреждал из Петербурга Вевель кишиневских братьев о необходимости искать мира с начальством, а 21 ноября тоже из Петербурга князь Волконский в письме к Инзову открывал войну с кишиневской ложей.

Задача нашей заметки — остановить внимание исследователей на материалах, от которых оно могло бы ускользнуть по тем простым соображениям, что эти материалы могли показаться уже использованными после работ Кульмана и Семевского.